

Интеграция газет
1961, 25 апреля

Новости ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА

Январскую и февральскую книжки журнала «Москва» нелегко достать. Напечатанный в них роман Аркадия Васильева «Понедельник — день тяжелый» привлёк внимание многих.

Говоря откровенно, после «Двенадцати стульев» и «Золотого тельника» жанр сатирического романа в общем-то захирел. В мою задачу не входит анализировать причины этого прискорбного явления, но факт остаётся фактом.

Между тем потребность в книге веселой, умной, озорной, в которой было бы много точно увиденного, верно наблюдаемого, — потребность в такой книге чрезвычайно велика.

В основе «Понедельника», как и предполагается, лежит анекдот. В этом смысле автор придерживается доброй гоголевской традиции. Найти анекдот, который нес бы в себе черты реальной действительности, спрессованной в острой комедийной ситуации, — трудная задача; и все-таки даже эта счастливая находка ещё только полдела. Анекдот должен послужить поводом к созданию более или менее широкой картины жизни, образов, достаточно характерных, чтобы выдержать нагрузку авторского замысла и выявить его с наибольшей полнотой.

Анекдот «Понедельника» прост. К концу субботы Кузьма Егорович Стряпков выяснил, что его сослуживец Яков Михайлович Каблуков, которого он терпеть не мог «за его самонадеянность, желание казаться умнее всех, за любовь к непонятным изречениям», назначен на руководящий пост.

Это известие было немедленно сообщено Стряпковым новоявленному бабловню служебной фортуны, а также и прочим заинтересованным лицам. Весь субботний вечер и длинный воскресный день Яков Михайлович прожил в упоительном сознании своего всемогущества, пока для него и для других не наступил отрезвляющий понедельник. Вот об этой недолгой истории величия и падения Каблукова и тех, кто делил с ним сладкое бремя удачи, рассказывает Аркадий Васильев в своем новом романе. Но повторяю — комическая ситуация для автора только повод. Перед нами проходит пестрая галерея лиц — к иным писатель относится сочувственно, над другими добродушно посмеивается, третьи вызывают у него презрение.

Разнообразие отношений писателя со своими героями накладывает печать на общую интонацию романа. Она, эта интонация, то энергично-хлесткая, то раздумчивая, несколько философическая, то лирическая, задумчивая.

Действие происходит в небольшом городке Краюхе, но ироническое название не должно вводить в заблуждение, — автор любит Краюху, она для него не просто точка на карте, выбранная для лихого сатирического налета; чувствуется, что между городом и рассказчиком существуют свои, глубоко интим-

ОТРЕЗВЛЯЮЩИЙ ПОНЕДЕЛЬНИК

Леонид ЗОРИН

ные связи. «Великолепна Краюха зимой — вся в сказочном инее. Еще прелестнее она летом, опоясанная серебристо-синеватой лентой малосудходной реки Сети...» И далее: «...Сразу вспомнится детство, бурный весенний ручей, лодочка, вырезанная из толстой красноватой сосновой коры, с мачтой из спички и парусом, шитым из утерьянного старшей сестрой платочка...»

Однако теплота, которую внушает автору маленький уютный город, вовсе не мешает заметить тех, кто живет в нем не так, как должно, — очень скоро мы узнаем, что А. Васильев умеет быть и достаточно злым. Он не занимается унылой арифметикой, в которой понаторели иные ювеналы. Он не подсчитывает на счетах «положительных и отрицательных» — судя по всему, он хорошо понимает, как возникают такие парадоксы, когда загнанный в угол толпой благонамеренных героев единственный носитель недостатков внезапно начинает вызывать читательское сострадание. Автор не боится сразиться с немалым количеством недругов, он знает, что победа будет на стороне нашей морали, нашего миропонимания, если в этой борьбе основным положительным героем будет он сам, его взгляд на жизнь, его социальный оптимизм.

Читателю запомнится заседание Тонала — «Товарищества на паях», которое основал мошенник Христофоров. Это собрание жуликов, почти целиком взявшее на вооружение привычную форму обычного собрания — от регламента до терминологии, несомненно, наведет на мысль о нетерпимости казенщины, удобного «общепринятого» стандарта, выхолащивающего из дела живую душу. Задумается читатель и над фигурой бывшего прокурора, ныне защитника, Петра Ивановича Короткова, который в беспокойном сне безуспешно отыскивает в книге «Триста полезных советов» триста первый — «Как выводить пятна с одежды». Весело посмеется над злоключениями художников, пытавшихся отлечься картинами «Квас-батюшка» и «Завтрак в кукурузном поле».

Когда Яков Михайлович сообщает Стряпкову тезисы задуманной им брошюры «О поведении руководящих лиц в нерабочие часы», невольно вспоминается бессмертный прутковский «Проект о введении единомыслия в России». А Стряпков вынужден, задыхаясь от злости, слушать эту несусветную чушь единственно потому, что эту чушь произносит новоиспеченное начальство; в нем же, Стряпкове,

давно укоренилась подлая привычка не возражать вышестоящим.

Здесь интонация Васильева становится гневной, — ситуация перестает быть комической, рамки ее расширяются, и в подтексте звучит мысль о человеческом достоинстве, о необходимости быть верным своим взглядам и убеждениям, ибо, приучаясь то и

дело припрятывать их подальше, можно их вовсе лишиться.

Было бы несправедливо не сказать о недостатках романа — и не потому, что так принято в рецензиях, а потому, что писатель своим новым произведением сделал весьма серьезную заявку. Следует признать, что сфера васильевской сатиры все же ограничена. Объекты ее выбраны верно, но мы бы приняли желаемое за действительное, если бы решили, что это самые что ни на есть первоочередные мишени. В последние месяцы нам довелось увидеть образцы такой глубокой и в лучшем смысле слова партийной критики, что она, надо надеяться, послужит нашим сатирикам вдохновляющим примером.

Трудно отрицать и то, что положительные образы романа, и прежде всего Марья Антоновна Королькова, не слишком удалась автору. Свойственная Васильеву лирическая теплота переходит здесь в розоватую умиленность, и даже вкус ему изменяет.

Причина этой незадачи, на мой взгляд, в том, что писатель действует здесь многократно опробованными, но не слишком подходящими для сатирического произведения средствами. Положительный герой веселого романа сам должен быть веселым человеком, с несокрушимым чувством юмора, с характером, несущим в себе комедийный заряд.

Все это так. Но, закрывая книгу, хочется думать не о том, чего в ней нет, а о том, что в ней есть. Есть же в ней немало. И читатель благодарен Аркадию Васильеву за этот роман, за возрождение жанра, за гражданский темперамент.

166
793